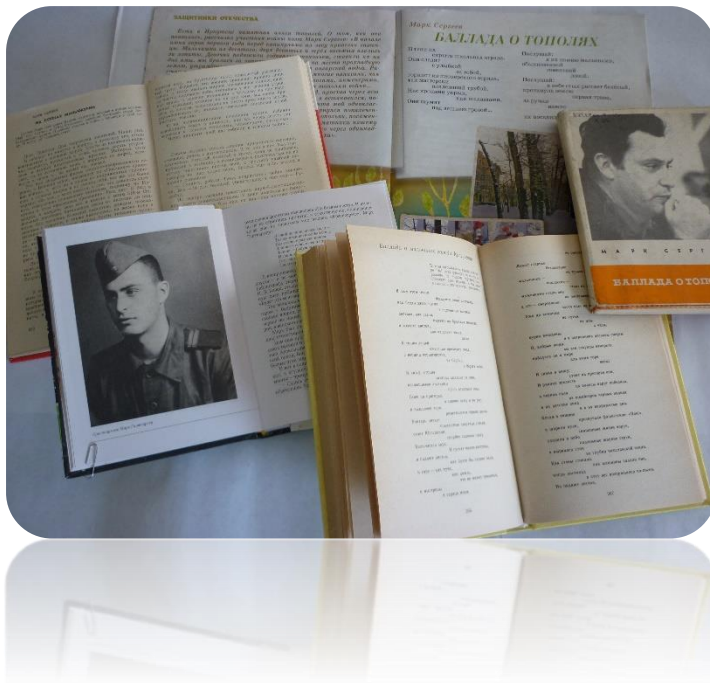

**Министерство культуры Иркутской области
Иркутская областная детская библиотека
им. Марка Сергеева**

Серия «Писатели Приангарья»

Марк Сергеев на войне и о войне

Сценарий литературно-исторического часа

Иркутск
2025

ББК 83.3
М25

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Иркутской областной детской библиотеки им. Марка Сергеева

Составитель *Е. А. Шульгина*
Редактор *С. А. Бурдинская*
Ответственный за выпуск *Я. Ю. Гавриш*

Марк Сергеев на войне и о войне. Сценарий литературно-исторического часа для детей среднего и старшего школьного возрастов / составитель Е.А. Шульгина ; редактор С. А. Бурдинская. – Иркутск : Издание Иркутской областной детской библиотеки им. Марка Сергеева, 2025. – 24 с. – (серия «Писатели Приангарья»).

Литературно-исторический час посвящен теме Великой Отечественной войны в творчестве иркутского писателя, поэта, фронтовика Марка Давидовича Сергеева, а также тому, какой вклад внесла война в формирование его личности и творчества, каково было его личное участие в тех событиях и что пришлось пережить писателю в тяжелейшие военные годы. Сценарий включает также тексты стихотворений военной тематики Марка Сергеева, в том числе стихи, написанные в суровые годы войны, когда будущий писатель был молодым лейтенантом-связистом.

Марк Сергеев на войне и о войне
*Сценарий литературно-исторического часа
для детей среднего и старшего школьного возрастов*

Действующие лица: Ведущий (1), Ведущий (2), Чтецы (три человека).

Оформление: книжно-иллюстративная выставка; презентация, для которой можно использовать фотографии М. Д. Сергеева, в частности, военного времени (см. сборник «Он между нами жил»); запись песни «Четырнадцать дней до войны» (слова Марка Сергеева, музыка Виктора Грозина).

Ведущий (1): Сегодня мы обратимся к теме отражения Великой Отечественной войны в творчестве иркутского писателя, поэта, фронтовика Марка Давидовича Сергеева. Узнаем о том, какой вклад внесла война в формирование его личности и творчества, каково было его личное участие в тех событиях и что пришлось пережить писателю в тяжелейшие военные годы.

Ведущий (2): Имя Марка Сергеева стоит в ряду почётных имён, которые в XX веке прославили Иркутск. Он родился на Украине, но ещё в детстве попал в Иркутск и сроднился с ним душою и делами, своими произведениями. Начало войны Марк Сергеев встретил старшекласником. Через много лет он писал об этом так...

Ведущий (1): «В начале июня, перед самыми каникулами сорок первого года, из леса привезли саженцы. Тоненькие прутики, которым суждено стать могучими стволами, намывая камбиевые слои (*годовые кольца деревьев – Ред.*) быстролетящих лет. Мы – мальчишки из десятого, двух девятых и трёх восьмых – взяли за лопаты, в суглинке, точно фронтовые защитные щели, затемнили ямы, на брустверы падал золотистый рассыпчатый грунт. Впрочем, это военное сравнение пришло лишь сейчас, а тогда пылало мирное предвоенное солнце, синело чистое и надёжное небо, стелилась у ног нежная утренняя трава. И девочки подносили каждому из нас годовалые топольки, ставили их корешком на дно ямы. Мы снова брались за лопаты, возвращали на место прохладную землю, утрамбовывали её, поливали новосёлов

ангарской водой. Растите, тополя. И на экзаменационном сочинении многие выбрали свободную тему и написали, как через десять лет вернёмся к тополям геологами, инженерами, учителями...

Через двадцать дней нас собрала к тополям война».

(Звучит песня «Четырнадцать дней до войны», слова Марка Сергеева, музыка Виктора Грозина.)

Ведущий (2): Несмотря на то, что Иркутск находился за тысячи километров от фронта, война чувствовалась в городе на каждом шагу. Марк Сергеев так вспоминал город военного времени:

«...Вдруг выплыла зима сорок первого, тёмные улицы Знаменского предместья, синий свет затемнения, белые бумажные ленты на стёклах – к счастью, ни один взрыв не испытал их на прочность; и мы, хрумая по снегу побитыми ботинками – валенки все отданы в Фонд обороны, – идём в госпиталь, бывшую десятую школу. В палате, между рядами кроватей, сдвинутых вплотную, освобождён квадрат – наша сцена, впереди, позади, с двух сторон – белизна простыней, грубое сукно солдатских одеял, костыли, примкнутые к спинкам, синие халаты раненых, бинты в жёлто-коричневых отметицах йода... Те, кто смог, подвинулись поближе, слушают фронтовые песни, сатирические куплеты... Никогда в жизни больше не покинет нас, мальчиков и девочек войны, поднимающееся из глубины души щемящее чувство любви, и жалости, и ненависти к тем, кто искалечил этих чистых и добрых людей, и желание как можно скорее подрасти, ах, если бы нам, как фронтовикам, засчитывали год за два!»

Ведущий (1): Конечно, Марк Сергеев вместе с другими мальчишками осаждал военкомат, просясь на фронт. Но усталый военком был непреклонен: «Гуляйте, ребята, подрастёте, война закончится...» Но вскоре повестками вызвали десятиклассников, затем девятиклассников. У Марка Сергеева надежды на повестку не было – весной сорок первого ему только исполнилось 15 лет. Чтобы быстрее попасть на фронт, он устремился, как и многие мальчишки, в военное училище, но и здесь ему не повезло: не прошёл комиссию, подвели глаза. Пришлось заканчивать 9 класс. В 16 лет Марк Сергеев стал студентом филологического

факультета Иркутского госуниверситета. Конечно, в мирное время после 9 класса в университет не брали, но война всё перевернула.

Ведущий (2): Марк Сергеев, как и большинство его сверстников в то время, старался не терять впустую ни одной минуты. По вечерам, после занятий, вместе с другими подростками в оборудованном на военный лад корпусе кирпичного завода он изготавливал противотанковые мины, участвовал в самодеятельности, выступая с концертами в госпиталях, был редактором университетской стенгазеты газеты БОКС («Боевой орган комсомольской сатиры»).

Через два года Марк Сергеев снова стоял во дворе военкомата, усталый военный выкрикивал фамилии новобранцев. «Мой срок пришёл в сорок третьем, в семнадцать лет я стал солдатом, из Иркутска призван, в Иркутск вернулся – в тот день мне показалось, что я родился в Сибири».

Чтец (1):

... Помнишь военный год,

Голос команды краткий?

На эшелон разлук

Грустно глядит звезда.

Нас провожают вдаль

Отзвуки танцплощадки,

Может, на срок войны,

Может быть, навсегда.

(«Друг ты мой – кировчанин»)

Ведущий (1): Марка призвали в армию и отправили служить на восток страны, в Забайкальский военный округ, откуда войска готовились к неизбежному столкновению с милитаристской Японией. Позже в документальной повести «На сопках Маньчжурии» он писал: «В годы войны Советского Союза против фашистской Германии японские империалисты сосредоточили крупные силы на территории Маньчжурии и в Корее, ожидая благоприятного момента для нападения на СССР и отвлекая до 40 советских дивизий с советско-германского фронта. Это было прямой помощью фашистской Германии и грубым нарушением договора о нейтралитете, заключённого между СССР и Японией в апреле 1941».

Они ждали, что в трудный, решающий момент Россия вынуждена будет обескровить восточные рубежи, и тогда они дойдут «хотя бы до Иркутска», как выразился министр иностранных дел Японии. В Квантунской армии, стоявшей против нас, был даже «русский день», когда японского солдата, привыкшего к морепродуктам и рису, кормили капустой, приучали, так сказать, к перемене пищи.

Марк Сергеев писал: «Война – это не только бой. Война это и долготерпение. И наши войска на востоке страны не зря называли фронтами».

Чтец (2):

Великое стоянье на востоке –
солдаты на войне и вне войны,
не ветер страшен, не мороз жестокий,
а напряженья бешенные токи:
границы, как металл, раскалены.
Бой не гремит. В тумане сопки тают,
в бурьян ложится ранняя зоря.
Но вражеские пули долетают –
и похоронки пишут писаря.
В стволы орудий досланы снаряды,
удара ждёт в патроннике патрон:
чем яростней бои под Сталинградом –
тем жёстче напряжение сторон.
Здесь тоже фронт. Нас Родина сплотила.
Сигнал тревоги каждый час на дню.
Мы здесь стоим, как мощная плотина,
дорогу преградившая огню.

Ведущий (2): Все стихи, написанные Марком Сергеевым в годы войны, когда ему было 17–19 лет, он не дорабатывал, не улучшал. Они были своеобразным дневником событий тех лет.

Марк Сергеев вспоминал, как их, молоденьких новобранцев, высадили в зимней Чите, где мела бесснежная пурга. Дикий ветер вздымал мёрзлый песок, лупил им по лицам. Будущие солдаты шли через весь город от вокзала до района Песчанка, вагон за вагоном, команда за командой. Щёки их были ободраны, точно кто-то их натирал наждаком.

Дальше добирались в теплушках по другой ветке железной дороги, потом в открытом грузовике. И опять холод и ветер, только со снегом. Когда в конечной точке выпрыгивали из грузовика, ноги звенели при ударе о снег. «Команда. И мы бежим по склону, засыпанному полуметровым снегом, увязаем, торопимся, пар от нас валит, как дым от паровоза, становится жарко, и когда, уже изнемогая, мы достигаем вершины сопки, нам открывается весь гарнизон, в котором предстоит служить: казармы, склады, офицерские домики и провода, провода, провода: мы – связисты».

Ведущий (1): Марк Сергеев вспоминал, что даже учёба в роли военных связистов давалась нелегко: «Первые ямы в мёрзлом окаменевшем грунте – это не ямки для тополей перед школой, да ещё сержант над тобой, да ещё смотрит на часы: ведь речь идёт не только о необходимой глубине, но и о необходимой быстроте. И первые воткнутые нами столбы, первые вкрученные в сосновые верхушки крюки, с намотанной на них каболкой, и первые фарфоровые, раскалённые морозом изоляторы, насаженные на эти крюки, и первые метры провода, натянутые на этих крюках». И вот Марк Сергеев – новоиспечённый лейтенант. *(Объяснить детям, если необходимо: каболка – это тонкая верёвка из льна или конопля.)*

Ведущий (2): Он служил на Востоке СССР, где наши войска были втянуты в военные действия с огромной японской армией. Было всё в эти суровые годы: тяжёлые бои, обморожения, голод, недели без сна и отдыха, коварные нападения японцев-камикадзе, которые в предрассветной мгле бесшумно проникали в палатки и вырезали десятками неопытных советских солдат.

Чтец (3):

... Сколько лет в этом давнем бою,
сибиряк, паренёк бесшабашный,
я лежу у войны на краю
перед первой своей рукопашной.
Все товарищи живы пока,
у ребят – ни сомнений, ни грусти...
Через миг батальоны полка
голос Родины бросит за бруствер.
Я лежу в ожиданье броска,

подбородком в песок упираясь,
и плывут от реки облака,
то густея, а то растворяясь.
Каска прячет меня до бровей,
ал закат, точно рана сквозная.
И ползёт возле глаз муравей,
ни бессмертья, ни смерти не зная.
(«Возвращение на войну»)

Ведущий (1): Марк Сергеев вспоминал: «Связисты-телефонисты узнают друг друга по голосам. Во время ночных дежурств в штабе, когда засыпают гарнизоны, одни телефонисты да часовые несут свою вахту: нервы армии неустанно напряжены... Закончив передачу шифровок и ответов на срочные вопросы, солдаты урывают минутку и для себя». Связисты знали друг друга по позывным. «Таинственный Коршун оказывается младшим сержантом Марком, за позывным «Соловей» открывается сержант Маша Черкашина...».

Ведущий (2): И пришёл долгожданный День Победы! Вот как нём вспоминал Марк Сергеев: «Девятого мая сорок пятого года Маша Черкашина нашла меня на рассвете. «Соловей» с низким грудным контральто пропел мне песнь в одно слово, но слово это было святым и горячим – «Победа!». Я не сразу поверил Маше, тогда она сказала: «Включаю радио». Я услышал голос Левитана, радостную музыку, в состоянии аффекта выскочил в чуть теплящийся рассвет и выпустил пол-автоматного диска в небо... Подбегая ко мне и узнав, в чём дело, каждый вырывал из кобуры пистолет и на радостях палил, потом солдаты, потом мы все в строю. А за горою палят, а за другою стрельба, а за третьей... Солнце в тот день взошло раньше обычного».

Ведущий (1): Часть советских войск, завершивших войну с фашистами на Западе, спешно перебрасывались на Восток на помощь войскам, сдерживавшим все эти годы японцев. Японский штык был таким же страшным, как и у немецкого фашиста. К лету 1945 года в распоряжении Японии была семимиллионная армия, более 10 тысяч самолётов, около 500 боевых кораблей. В неимоверно тяжёлых условиях развивалась Маньчжурская наступательная операция советских войск против Квантунской

армии. Враг упорно цеплялся за каждый рубеж. К тому же наступление проходило под сильным проливным дождём; разлившиеся реки и непролазная грязь затрудняли передвижение войск, но, несмотря на это, они на всех направлениях блестяще справились со своими задачами... Форсирование Большого Хинганского хребта явилось подвигом, не имевшем себе равных. Это скопище голых скал, громоздящихся в беспорядке. Японцы заминировали проходы через перевалы, завалили расщелины, по которым можно было проложить дорогу, битым камнем. Советским солдатам нужно было не только самим пройти через хребет, но и технику перетаскать.

Ведущий (2): Вот как выглядели военные действия глазами Марка Сергеева: «Ровно в семь над сопками кружат самолёты, летит, визжа, их бомбовый груз на тёмные вершины, огонь вздымается в небо, словно забил с неимоверной силой новый вулкан. Тишина. Слышно, как осыпаются камни. И едва тишина заполнила рассвет – новый приказ: «Артиллерия. Сорокаминутная артподготовка!». По врагам нашей родины! А потом – «катюши». Ослепительно разрезают серый воздух пылающие снаряды, горят склоны, трава, деревья, камни... матушка- пехота берёт склоны, забрасывает гранатами доты. И уже, кажется, искорёженные снарядами, бомбами, ракетами горы оживают, из дотов бьют пулемёты, атака, закрепившая часть склона, откатывается, потому что в тылу у солдат начинают работать замаскированные и молчавшие до поры огневые точки. Отбой. Артподготовка. Самолёты. «Катюши». Всё сначала».

А вечером – боевой листок. Там стихи Марка Сергеева про одного из героев боя, который повторил подвиг Александра Матросова.

Чтец (1):

Смерти была пожива,
Смерти была работа –
Батальон уложила
Группа, засевшая в дотах.
Но командир батальона
Крикнул: «Вперёд! За Россию!»
Встали на бой с бетоном
Мёртвые и живые,

И враги захлебнулись!
Повар беззвучно плакал:
Шесть человек вернулись
К обеду. После атаки.
(10 августа 1945 г.)

Ведущий (1): Советско-японская война велась официально с 9 августа по 3 сентября 1945 года, отдельные столкновения завершились 5 сентября. За месяц активных боевых действий в Маньчжурии советские и монгольские войска разгромили основные силы Квантунской армии, освободив Северо-Восточный Китай, север Корейского полуострова, Южный Сахалин и Курилы. Подписание акта о капитуляции Японии 2 сентября положило конец Второй мировой войне.

Ведущий (2): Возвращаясь домой, Марк Сергеев проехал через всю Маньчжурию в товарняке, везущем имущество частей связи, пережив приключения, которых хватило бы не на одну повесть. Затем, получив документы на месте прежней дислокации, добирался до Читы на крыше вагона, где его хлестала февральская пурга, бесснежная, но лупящая поднятыми в воздух камнями. Попасть на поезд от Читы до Иркутска было невозможно, и однополчане, местные жители, увезли Марка Сергеева к месту погрузки демобилизованных солдат, возвращающихся домой. «Взяли за руки и за ноги и перекинули через головы толпящихся у дверей пульмановского вагона мужиков. Я упал на чьи-то спины, головы, руки, но крепкий солдатский мат поддержал меня, не дал плюхнуться на пол и зашибиться. Следом летел мой вещмешок».

Чтец (2):

Голова на шинельной скатке,
эшелон гремит.
Зори – мимо,
пространства – мимо,
в ледяной красе,
и колеса неутомимо
все отстукивают с нажимом:
«Живы, мальчики... живы, живы...
Да не все...
не все...»

(«Возвращение с войны»)

Ведущий (1): Марк Сергеев вернулся в родной город 23 февраля 1946 года. В день Советской Армии он стоял у родной школы – двадцатилетний воин. Войну он закончил с боевыми наградами. И самая главная – орден Великой Отечественной II степени.

«...На 8-й Советской, у нашей школы, а теперь госпиталя, я остановился, потрогал стволы подросших топольков, посаженных нами пять лет назад. Уже позже узнал я, что мой одноклассник Женя Монастырёв погиб, Толя Халябин вернулся покалеченный, а Валя Кишкин уже дома умер от ран. Я трогал топольки, посаженные ими, и думал о том, что вот они – живые памятники нашему детству, нашей опалённой войной юности».

Только через одиннадцать лет после войны Марку Сергееву хватило силы написать об этом стихи. Так появилась «Баллада о тополях».

Чтец (3):

В тени их

скрыта школьная ограда.

Они следят

с улыбкой

за тобой,

горнист из пионерского отряда,

так мастерски

владеющий трубой.

Нас кронами укрыв,

как шалашами,

они шумят

под вешнею грозой...

Послушай:

я их помню малышами,

обыкновенной

тоненькой

лозой.

Послушай:

в небе стыл рассвет белёсый,

проткнула землю

первая трава, —
за ручки,
важно,
приведя из леса,
их посадили мы —
десятый «А».
И ночью,
после бала выпускного,
мы поклялись
сюда опять прийти.
...И вот
мы к тополям
вернулись снова,
но впятером
из двадцати шести.
Горнист
из пионерского отряда,
послушай:
клятв никто не нарушал.
Ты родился,
должно быть,
в сорок пятом
и, значит,
сорок первого не знал.
А в том году
схлестнулись
с силой сила,
стояла насмерть
русская земля.
За тыщи вёрст
разбросаны могилы
тех, кто сажали
эти тополя.
Но,
будто бы друзья мои — солдаты,
стоят деревья
в сомкнутом строю,

и в каждом я,
 как в юности когда-то,
своих друзей бесценных
 узнаю.

И кажется,
 скажи сейчас хоть слово
перед шеренгой тополей живой –
и вдруг
 шагнет вперёд
 правофланговый
и в трауре поникнет головой.
Как требуют
 параграфы устава,
начни
 по списку
 вызывать солдат:
– Клим Щербаков! –
И тополь –
 пятый справа –
ответит:
– Пал в боях за Ленинград.
– Степан Черных! –
и выйдет тополь третий.
– Матвей Кузьмин! –
Шагнет двадцать второй...
Нас было
 двадцать шесть
 на белом свете –
мы впятером
 с войны
 вернулись в строй.

Но остальные
 не уходят.
 Рядом
они стоят,
 бессмертны,
 как земля.

Горнист
из пионерского отряда,
взгляни:
шумят под ветром тополя.
И если в час беды
о нас ты вспомнишь,
твой горн
тревожно протрубит подъём,
то мы придём,
горнист,
к тебе на помощь.
Живые или мёртвые –
придём.

Ведущий (2): Шли годы, но шрамы, оставленные войной, не заживали. Став уже известным человеком, Марк Сергеев в составе группы писателей из разных стран посетил однажды сербский город Крагуевац, расположенный в 120 километрах к югу от Белграда. Не было среди них только писателей из Германии. После Второй мировой войны немцам было запрещено въезжать в Крагуевац. «Всем, кроме немцев», – гласила надпись на въезде в город.

Здесь 21 октября 1941 года в отместку за гибель 70 немецких солдат и офицеров от рук бойцов Сопротивления, за то, что горожане не выдали партизан, фашисты провели карательную акцию. Семь тысяч жителей города стали жертвами расправы. Людей хватали в домах, церквях, на улице, в школах. Брали только мужское население – от детей до стариков: уводили и увозили за город, в глубокую низину, где текли два ручья, и там расстреливали. Мальчиков-гимназистов вызывали по классным спискам. Для каждого из них это был последний урок.

Каждый год в этот день здесь проходит траурно-торжественное шествие взрослых и детей Югославии к святым могилам.

Под впечатлением поездки Марк Сергеев написал стихи «Баллада о мальчиках Крагуеваца».

Чтец (1):
...мальчишки

— поклассно
— стоят на холме невысоком,
мужчинами стали они
на последнем уроке,
а это — смертельно:
охота идёт на мужчин...
И снова я вижу:
стоят на пригорке они,
И ранняя зрелость
их волосы вдруг побелила,
а чёрная сила
из шмайсеров чёрных палила
в их детские лица
и в их непрожитые дни.

Ведущий (1): Уже нет той страны, которую называли Югославией, но эту историю, как истории миллионов советских людей, погибших от фашистской чумы, надо помнить, потому что и сегодня стреляют в детей...

Ведущий (2): К военной теме Марк Сергеев возвращался весь период своего творчества. С годами в стихах появилось больше лиризма и грустных воспоминаний.

Чтец (2):
Ах, солдаты, солдаты,
Не медок ремесло.
Сколько нашего брата
По земле разнесло.
В чахлах рощицах ржавых
Нас роняла война
И у той переправы,
Где вода холодна.
Ах, солдаты, солдаты,
В гимнастёрках народ,
Сколько нас неженатых
До невест не дойдёт...
Завершаются войны,
Над окопами сад.
Только память невольно

(Как я встретил 9 мая)

Стихи Марка Сергеева о войне

– В атаку! В атаку! – пошли на прорыв
суровые ели, –
как будто солдаты сбегают с горы
в зелёных шинелях.

А люди на станции смотрят сны,
не выставив стражи...
Наверное, мне не уйти от войны
и в мирном пейзаже!

В лесу этом тихом
 бесшумно горит листопад,
как будто здесь время
 в оцепененье застыло,
деревья, как свечи,
 пылают на братских могилах,
и жёлтые листья,
 как капельки воска,
 летят.

И толпы людей
 ежегодно приходят сюда,
с вершин черногорских,
 из Сербии,
 с берега моря

Я вижу: страна
затаила дыханье от горя,
неслышными листьями
прочь отлетают года.
Стою на пригорке,
а словно лежу я во рву,
и выключен звук,
разряжаются чёрные диски.
Учитель читает
поклассные смертные списки,
стоит Югославия,
скорбно склоняя голову.
Включается звук.
И гуляет палач-листопад,
и падают листья,
как будто бы падают лица,
и горе – как туча,
как дождь,
что не может пролиться,
и выстрелы
в сердце моём,
не смолкая,
гремят.
Лежат старики
бездыханно
на травах лощин,
мальчишки –
поклассно –
стоят на холме невысоком,
мужчинами стали они
на последнем уроке,
а это – смертельно:
охота идет на мужчин,
Уже до команды
не сутки,
не дни,
а часы,

курки взведены,
и в патронники досланы смерти.
О, добрые люди,
вы эти секунды измерьте
найдутся ли в мире
для этого горя весы!
И снова я вижу:
стоят на пригорке они,
и ранняя зрелость
их волосы вдруг побелила,
а чёрная сила
из шмайсеров чёрных палила
в их детские лица
и в их непрожитые дни.
Когда в тишине
прозвучало фашистское: «Пли!»,
и шарили пули,
священные жизни воружа,
ударили в небо
подземные жаркие струи,
и вырвался стон
из глубин югославской земли.
Как стены стонали,
как женщины падали ниц,
когда листопад
в этот лес возвращался по-лиси.
Но падают листья,
вы видите — падают листья:
на них отпечатки —
звериные лики убийц.
Берите их снимки,
идёмте, окончен урок,
моря по колено для горя,
и горы — по пояс,
отправим глаза
и сердца свои чистые в поиск,
вниманье взведём,

как пистолетный курок.
Они и сегодня
за тайной бронёй крепостей
живут в ожиданье,
сжимая в ладонях кастеты,
они и сегодня
на сотнях плацдармов планеты
стреляют,
стреляют,
стреляют,
стреляют в детей!
Пока на земле
разжигает кострища война,
пока в наших душах
гремит её страшное эхо,
в лесу,
где расстреляны дети, —
ни песни, ни смеха,
вы слышите, люди, какая стоит тишина?!

Вечный огонь

Над Братиславой неурочный дождь,
и тучи, словно серые экраны,
и пальцами по небу шарят краны,
и по Дунаю пробегает дрожь.
И хоть двенадцать градусов — не ноль,
но с непривычки всё вокруг поблекло,
поскольку здесь в такое время — пекло.
Какую шутку выкинул июль!

И вижу я, как на закате дня
измокнувшие городские птицы
слетаются погреться, обсушиться,
прийти в себя у Вечного огня.
Холодный дождь и влажный неуют,
а в том огне — всегреющая сила,

как будто те, кого война спалила,
тепло своё нам на подмогу шлют.

...Ломает дождь деревья на корню,
бросает ветер горсти капель в лица,
и сам я, как промокнувшая птица,
иду под вечер к Вечному огню.
Я здесь, как у таёжного костра,
который полыхает многоглаво:
мне согревает душу Братислава –
моей Сибири светлая сестра.

Пришёл холодный ветер от реки,
кипит огня врачующая сила,
и рядышком сидят сибиряки –
их смерть на эту встречу отпустила.

Возвращение на войну

Ветер пылью шумит по кустам,
леденеют сожжённые села...
и разносится: «Все по местам!» –
капитанское хриплое соло.

И, едва затихают слова, –
в направление командного жеста
отделенья летят в кузова,
и машины срываются с места.

Догорел самокруткой привал,
лейтенанты сидят по кабинам:
в закипающий бой, как в провал,
резервистов бросают машины.

Все в воронках окопов края,
а над ними волна разрывная,
и безмолвное: «Делай, как я!» –

нам ползти до переднего края.

...Сколько лет в этом давнем бою,
сибиряк, паренёк бесшабашный,
я лежу у войны на краю
перед первой своей рукопашной.

Все товарищи живы пока,
у ребят – ни сомнений, ни грусти...
Через миг батальоны полка
голос Родины бросит за бруствер.

Я лежу в ожиданье броска,
подбородком в песок упираясь,
и плывут от реки облака,
то густея, а то растворяясь.

Каска прячет меня до бровей,
ал закат, точно рана сквозная.
И ползёт возле глаз муравей,
ни бессмертья, ни смерти не зная.

Возвращение с войны

Эшелоны гремят обратные,
посреди зимы,
и китайские аккуратные
отстают дымы.
По теплушкам снует метелица.
Караулим груз.
И ещё в наши жизни целится
по ночам хунхуз,
и ещё, куржаком отравленный,
от тревог устав,
через пули и спирт отравленный
наш гремит состав.

...Глинобитная улица узкая,
чей-то грустный взгляд.
Но всё ближе граница русская,
и сердца горят.
И уже нам ночами снится:
над волной раки,т
распластавши крыла, как птица,
эшелон летит.

Смотрят матери удивлённо,
детвора бежит:
журавлиная стая вагонов
в небесах кружит.
И садятся напропалую,
развернув крыло,
кто на площадь на городскую,
кто в своё село.

Мы выпрыгиваем на травы,
ордена звенят,
ах, какие, о боже правый,
очи у девчат!
Как целуют они нас сладко
у речных раки,т...
Голова на шинельной скатке,
эшелон гремит.

Зори – мимо,
пространства – мимо,
в ледяной красе,
и колеса неутомимо
все отстукивают с нажимом:
«Живы, мальчики... живы, живы...
Да не все...
не все...»

День Победы

Была война – и нет войны,
была метель – и нет метели:
уже мальчишки повзрослели,
рождённые средь тишины,
и дети их вступили в свет...
Так что же мы с тобой, дружище,
сквозь дымку лет тревожно ищем
далёких дней горящий след?
Уже, у новых дел в плену,
другая жизнь окрепла рядом,
косит в киноафишу взглядом:
«Ах, это снова про войну...»
Да, это снова... Как тут быть,
когда, дружище, и поныне
бесслёзно плачет мать о сыне,
и горе это не избыть?
Да, это снова... Чуть продрог,
или погоде перемена –
и ноют пальцы и колена
у ампутированных ног.
Да, это снова... Чтоб в плену
у дней счастливых и прекрасных
не забывать, что этот праздник
когда-то завершил войну.

Стихи об алой гвоздике

Над могилами павших бойцов,
над атакой, зашедшейся в крике,
сквозь тревожную память отцов
на земле прорастают гвоздики.
Словно это над грудью земли,
разметавшей кровавые банды,
из минувших времен проросли
партизанские алые банты.
И цветут на высоких буграх,

как в шинельных зелёных петлицах.
Значит, прошлое – это не прах
и не только архивов страницы.
Значит, годы,
сомкнувшись в кулак,
не уходят в незримые нети:
беспрерывна лавина атак,
и всё больше гвоздик на планете.
Есть бои,
где не слышно свинца,
где врагов не увидишь открытых;
есть бои за людские сердца,
за глаза –
чтоб пошире открыть их.
Чтобы ясен любой поворот
в дни ненастий
и в дни полнолуний:
революция –
значит –
вперёд! –
остановок не будет в коммуне!

Уже грядущих лет полпреды
вступили в жизнь в расцвете сил.
Всё отдалённой День Победы,
всё меньше тех, кто победил.

И с каждым днём короче списки
тех, что приписаны к войне,
и всё плотнее обелиски –
плечо к плечу, спина к спине.

Как будто, подчинясь закону
святого братства в дни войны,
всё так же держат оборону
России верные сыны.

Фронтовые поэты

С напором свинцового шквала
ваши жизни судьба,
ваши жизни война
рифмовала.

И едва затихало сражение –
атаке не вечно же длиться, –
как оно оживало
на ваших горящих страницах.

Но бессмертные строки
от смерти, увы, не спасали,

Фронтовые поэты,
бои на талант не списали,

но из братских могил
воскресало их слово живое,

батальоны к победе,

к бессмертью

ведя за собою.

Это я испытал.

Точно знаю, как это бывает:

раскалённый металл

наши цепи огнём накрывает,

надо встать и бежать,

грязь и кровь пропитали обмотки,

победил, уцелел –

огнестрельные дыры в пилотке.

Фронтовые поэты.

Встречаю теперь вас не часто,

вы, как прежде, – в строю,

ни рисовки,

ни позы, ни чванства...

Ваши строки живут:

молодые, горячие, цельные...

Вы храните – до срока

блокноты свои,

самодельные?

Список использованной литературы

Гольдфарб, С. И. Не отдавайте сердце стуже : жизнь и судьба иркутского литератора Марка Сергеева / Станислав Иосифович Гольдфарб. – Иркутск : Оттиск, 2009. – 293, [3] с. : фото. – (Имена Сибири).

Молина, Л. «Всем, кроме...» / Лидия Молина // Копейка. – 2014. – № 43 (5–11 нояб.). – С. 25 : фот.

На сопках Маньчжурии : [автобиографический очерк] / Марк Сергеев // Через войну : сборник / составитель Дмитрий Гаврилович Сергеев. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1985. – С. 322–349.

Сергеев, М. Д. Баллада о тополях : стихотворения / Марк Давидович Сергеев. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1972. – 206 с.

Сергеев, М. Д. Каждый день начинать себя снова: стихотворения / Марк Давидович Сергеев; художник А. И. Аносов. – Иркутск: Сибирь; Письмена, 1996. – 480 с.: портр.

С Иркутском связанные судьбы: книга первая / Марк Давидович Сергеев; художник Александр Евгеньевич Шпирко. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1986. – С. 7 : ил.

С Иркутском связанная судьба. Марк Сергеев / руководитель проекта Татьяна Алексеевна Максоева ; составители: Галина Леонидовна Ильиных, Вера Александровна Копылова, Лидия Никитична Молина. – Иркутск : Иркутская областная детская библиотека имени Марка Сергеева, 2012. – 1 DVD-R. – Загл. с этикетки диска. – Текст : электронный.

Марк Сергеев на войне и о войне
Сценарий литературно-исторического часа
для детей среднего и старшего школьного возрастов

Составитель *Е. А. Шульгина*
Редактор *С. А. Бурдинская*
Компьютерная вёрстка *К. О. Герасимчук*